

УДК 343.91
ББК 67.512

Е.В. Сафронова

*доктор юридических наук, профессор,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация*

В.Е. Лоба

*кандидат юридических наук,
Армавирская государственная педагогическая академия,
г. Армавир, Российская Федерация*

«ОПАСНОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИЧНОСТИ» КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Целью всякого исследования в юриспруденции является поиск оптимального механизма, позволяющего максимально эффективно осуществлять регулирование общественных отношений. Социологическая школа уголовного права имела четко обозначенную цель – совершенствование законодательства для борьбы с преступностью, для чего требовалось кардинальным образом реформировать уголовное право и уголовное судопроизводство. По мнению представителей этой школы, преступление не результат свободы воли, а совокупный продукт влияния антропологических, физических и социальных факторов. Преступность же рассматривалась как известное вырождение социального организма. И в качестве средства борьбы с нею «социологами» предлагалась теория «опасного состояния личности», суть которой в том, что в обществе есть категория людей, чей образ жизни или физические (психические) особенности представляют серьезную опасность для общества. Эта опасность могла быть и не связана с совершением конкретного преступления. К этой категории относили опасных рецидивистов, нищих и бродяг, психически дефективных преступников и преступников-алкоголиков. В целях защиты общества от носителей «опасного состояния» в качестве правовой реакции государства была предложена система превентивных мер – мер социальной защиты, целью которых является «обезвреживание неисправимых, исправление исправимых». В специальной литературе о теории «опасного состояния личности» тиражируется мнение как об одном из самых реакционных изобретений уголовно-правовой теории, означающем на деле отрицание основных институтов уголовного права, игнорирование принципа виновной ответственности за совершенное преступление. Принимая во внимание ограниченный объем статьи, мы попытались показать, что этими идеями распорядились не лучшим образом, хотя, на наш взгляд, на сегодняшний день они не потеряли актуальность как в теоретическом, так и в практическом плане. Идеи социологической школы уголовного права, вдохнувшие жизнь в некоторые догмы науки, соединив идею социальной обусловленности человеческого поведения с уголовным правом как системой предписаний для человека, остались до конца не оцененными, поэтому ныне требуют нового анализа как его недостатков, так и достоинств.

Ключевые слова: криминология; социологическая школа; «опасное состояние личности»; преступность; борьба с преступностью.

E.V. Safronova

*Doctor of Law, Professor,
National Research University Belgorod State University,
Belgorod, Russian Federation*

V.E. Loba

*Candidate of Legal Sciences,
Armavir State Pedagogical Academy,
Armavir, Russian Federation*

«DANGEROUS CONDITION OF PERSON» AS CRIMINAL TERM

Abstract

Law-science research is always aimed at search for a new mechanism of effective social relations regulation. Sociological school of Criminal law had a specific objective – legislation improvement in terms of crime fighting which required reforming criminal law and criminal procedure. According to Sociological school representatives a crime is not a result of free agency but a complex product of anthropological, physical and social factors' influence and criminality is considered as degradation of society. Sociological school representatives suggested «Dangerous condition of person» theory as crime fighting instrument. The theory states that a there is special type of people whose lifestyle or certain physical (psychological) aspects are dangerous for society. This danger may not be associated to individual crime commitment. This type of people includes dangerous recidivists; beggars and the poor; mentally ill offenders and offenders-alcoholics. A special preventive measures system was suggested in order to protect society from these people. These measures are aimed at «deactivation of the irredeemable, reformation of the redeemable». In specialized literature «Dangerous condition of person» theory is often considered as one of reactionary invention of criminal theory that is really just denial of main institutes of criminal law, ignoring fault-based liability for crime. Considering the size of the article, we tried to prove that its ideas were not used in a best way and are still very topical theoretically and practically. Ideas of sociological school of Criminal law are underestimated and need to be analyzed once again.

Key words: criminology; sociological school; dangerous condition of person; crime; crime fighting.

До настоящего времени философов, историков, правоведов, психологов, социологов и психиатров волнует вопрос: кто такие преступники, почему они совершают преступления, как бороться с таким социально-правовым феноменом, как преступность? Социологическая школа уголовного права предложила свой подход к проблемам борьбы с преступностью. «Вместо теоретического уголовного права, – сформулировал краеугольный камень теории социологической школы не свободный от крайностей Г.А. Ван-Гамель, – мы должны создать уголовное право практическое. В этом состоит наша работа, это наша цель. Три понятия страшно мешают нам в этом... А именно: «вменяемость», «наказание» и «преступление»... Когда мы, наконец, от них освободимся, тогда все пойдет лучше» [23, с. 89–90].

Сторонники этой школы были убеждены, что для успешной борьбы с преступностью наказание должно быть приспособлено к деятелю, а не к действию [25, с. 58]. «Если преступления являются результатом не свободной воли человека, – размышляет Г. Ашаффенбург, – а сложного процесса, обусловливаемого, с одной стороны, организацией и развитием мозга, интеллектом и накопленным опытом, эмоциональной возбудимостью, и с другой – внешними обстоятельствами, то по какому праву можем мы делать *ответственным* преступника за его действия?» [2, с. 186–187]. В качестве средства этой борьбы предлагалось рассматривать наказание не как возмездие, а как меру социальной защиты, принимаемую государством в связи с «опасным состоянием личности».

Справедливости ради отметим, что теория «опасного состояния личности» разделялась не всеми «социологами». Так, итальянцы Турати и Колаянни, голландец Бонгер, а также некоторые русские криминалисты выдвигали на первый план значение «экономических» факторов и сопротивлялись проведению наиболее реакционных мероприятий, предложенных другими «социологами» [22, с. 83]. По мысли одного из ведущих теоретиков этой школы А. Принса, признание «опасного состояния личности» позволяет, отбросив сбивчивые философские рассуждения, заняться действительными мерами защиты вместо того, чтобы налагать наказания, ставшие бесполезными ввиду того, что они вызваны ложными противоречивыми идеями [20, с. 113–114]. «...Пусть применяются суррогаты наказания, если они энергичнее и с более ясным сознанием цели могут парализовать причины преступления», – вторит ему Э.Я. Немировский [15, с. 8].

Для лучшего понимания затронутой темы имеет смысл обратиться к ее истории, берущей свое начало с самых первых дней существования Международного союза криминалистов – официального органа социологической школы уголовного права, созданного в 1888 г. Ф. фон Листом (Franz von Liszt), Г.А. Ван-Гамелем (Genard-Anton van Hamel) и А. Принсом (Adolphe Prins). Так, уже на первом съезде Международного союза криминалистов (1889 г.) его участники обсуждали существующие способы борьбы с рецидивной преступностью и, полагая неправильным применение одинаковых наказаний как к случайным, так и привычным преступникам, отмечали слабую защищенность общества от рецидивистов, возвращаемых в общество по отбытии ими слишком краткосрочных наказаний [18, с. 47]. Например, критикуя широко используемые судами Европы краткосрочные наказания, «социологи» уподобляли «уголовную юстицию испорченному крану, из которого капля за каплей сочится вода и исчезает бесследно в земле» [21, с. 6].

В связи с этим второй съезд (1890 г.) поставил на обсуждение понятие привычных, неисправимых преступников, относя к этой категории закоренелых рецидивистов, которых следует рассматривать как преступников-дегенератов либо преступников-профессионалов, и полагая, что они и им подобные

нуждаются в особом, сверх нормального, воздействии, съезд нашел основание для этих мер воздействия в опасности, ими представляемой; рядом с исправлением и устрашением как целью воздействия стало «обезвреживание» преступника [18, с. 47].

Из принятых третьим съездом (1891 г.) резолюций одна указывала на необходимость подробной, точной, единообразной и поддающейся сравнительному изучению статистики рецидива в интересах более полного исследования характера и вредности преступников привычных, в частности неисправимых. Другая впервые упомянула о так называемых неопределенных приговорах, признав, что в отношении неисправимых преступников привычки необходимо, чтобы приговор, касающийся последнего совершенного преступления, не определял окончательно мер, имеющих быть принятыми по отношению к преступнику, но чтобы определение этих мер было предоставлено позднему исследованию, касающемуся личности преступника, его прошлого, его поведения в течение определенного испытательного периода и т.д. [14, с. 6–7].

Идея неопределенных приговоров активно обсуждается на съездах 1893 и 1894 гг., но никаких конкретных решений по данному вопросу так и не было принято. После этого наступил десятилетний перерыв в обсуждении вопроса о наказании неисправимых преступников. Лишь на собрании центрального бюро Международного союза криминалистов в мае 1904 г. А. Принс ввел в оборот такой термин, как «опасное состояние преступника», требующее специальных мер принуждения для лиц, соответствующих этому состоянию.

Однако создателем теории «опасного состояния личности» являлся один из ведущих теоретиков антропологической школы уголовного права Р. Гарофало, который в своей книге «Критерии опасного человека» (1880) под «опасным состоянием» понимал перманентную (постоянную) и имманентную (внутренне присущую) склонность человека к совершению преступлений.

Резолюция Брюссельского конгресса 1910 г. заложила следующий подход, оказавший значительное влияние на последующее уголовное право: «В законе должны быть предусмотрены определенные меры социальной защиты против преступников, общепризнанных либо вследствие рецидивизма, либо

вследствие своих жизненных привычек, подлежащих указанию в законе, либо вследствие своих склонностей и образа жизни, вылившихся наружу в предусмотренное в законе преступное деяние» [18, с. 48].

Концептуальный смысл теории «опасного состояния личности» заключается в том, что в обществе есть люди дефективные, не поддающиеся действию обыкновенных средних мотивов поведения, господствующих в данном строе. Эта дефективность определяется или какими-либо органическими пороками (болезненные склонности, такие как алкоголизм, мании, неврастения и т.д.), создающими так называемую «уменьшенную вменяемость», или недостатком социального воспитания (преступные дети и подростки или люди с прочно усвоенными на почве социального вырождения социальными пороками (разврат, привычка к праздности, эксплуатация других и т.д.). Во всех этих случаях действие наказания, строящегося на мотивах страха и расчета, оказывается эфемерным [11, с. 21–22].

В рамках этой школы существовали на первый взгляд различные подходы к определению показателей лиц, находящихся в «опасном состоянии». Так, Парижское совещание центрального бюро Международного союза криминалистов определило четыре категории опасных лиц: 1) опасные рецидивисты; 2) нищие и бродяги; 3) психически дефективные преступники; 4) преступники-алкоголики. К сожалению, не нашли себе места в этой категории юные профессионалы, которые прежде всего должны быть признаны находящимися в «опасном состоянии» [12, с. 192]. В свою очередь, виднейший российский криминалист А.А. Жижиленко предложил следующую типологию лиц, находящихся в «опасном состоянии»: 1) лица, неоднократно учинившие определенные преступления, особенно важные; 2) невменяемые и не вполне вменяемые лица, учинившие важные посягательства; 3) лица, учинившие преступления, вызванные их тунеядством, распутством или склонностью к опьянению [6, с. 9]. Фактически того же взгляда придерживался и Р. Гарро [22, с. 84]. На наш взгляд, все эти разногласия носят терминологический характер.

Немало споров вызвал у «социологов» вопрос о моменте установления основания для применения превентивных мер. Одни авторы писали, что для этого необходимо соверше-

ние носителем «опасного состояния» не только одного, но даже повторного деяния определенной тяжести. Другие указывали, что для охраны общества от будущей опасности им вовсе не требуется совершение преступного деяния [13, с. 32–33]. В частности, А. Принс полагал, что «преобразования в уголовном праве заставляют нас признать опасным состояние даже там, где нет еще преступника, и право вмешательства государства даже туда, где нет ни преступления, ни проступка» [20, с. 131]. Дискуссия закончилась победой второго взгляда.

В целях защиты общества от носителей «опасного состояния» в качестве правовой реакции государства была предложена система превентивных мер – мер социальной защиты. Ко всем индивидам, от душевнобольного до обыкновенного преступника, применялась такая формула: «приспособление мер социальной репрессии к индивидуальности преступника» [2, с. 231].

Основной вопрос состоял в том, какова природа этих мер и их отношение к наказанию. По мнению одних, меры социальной защиты являются наказанием главным образом с точки зрения эволюции понятия наказания. Другие считали возможным отстаивать самостоятельную природу мер защиты [7, с. 263, 276], мотивируя это тем, что, говоря о наказании, мы имеем дело с прошлым, с фактом учиненного преступного деяния, и это учиненное преступное деяние и оценивается известным образом. Когда речь идет о мерах социальной защиты, то мы обращаемся в будущее, говоря о той опасности, которую представляет собой данный субъект, и сообразно этой опасности устанавливаем ту или иную меру. Наказание назначается соответственно степени виновности, тогда как при назначении мер социальной защиты невозможно определить размер опасности, с которой надо бороться. «...Мы должны признать, что меры социальной защиты должны действительно быть рассматриваемы как самостоятельный институт, существующий наряду с наказанием» [5, с. 41]. И с этим трудно поспорить.

Меры социальной защиты разделялись на две основные группы. С одной стороны, это меры приспособления, объем и содержание которых определяются исключительно индивидуальными особенностями личности, находящейся в «опасном состоянии», и они

ориентированы на устранение причин «опасного состояния» (лечение, воспитание, приспособление к труду, исправление). Другую группу представляют меры принуждения, которые направлены исключительно против возможных последствий (заключение под стражу, высылка, надзор) [23, с. 100–101]. Наказание же рассматривалось как разновидность мер социальной защиты. Целью этих мер, по выражению Ф. фон Листа, является «обезвреживание неисправимых, исправление исправимых» [10, с. 57].

Как подчеркивает А.Д. Киселев, в процессуальном отношении роль судьи сводится к установлению вины или невиновности подсудимого, т.е., проще говоря, констатированию факта совершения подсудимым определенного нарушения. Наряду с этим при содействии экспертов судья будет определять, куда заключать осужденного: в дом для умалишенных, в воспитательное учреждение или в тюрьму. С наказания снимается печать порицания, поскольку не вина человека, если условия жизни вывели его на преступный путь, но оно остается страданием, так как последнее заключено во всяком принуждении. «Содержание этого принуждения не общего и отрицательного характера, ближайшая задача которого ограничивается наложением чувственного лишения, а более частного и положительного значения, отвечающего целям непосредственного исправления каких-нибудь определенных недостатков характера» [8, с. 232–233].

В России идеи «социологов» нашли благодатную почву и дальнейшее развитие в диссертационных исследованиях М.Н. Гернета, С.К. Гогеля, Е.Н. Ефимова, А.А. Жижиленко, А.Д. Киселева, С.П. Мокринского, А.А. Пионтковского (отца), С.В. Познышева, С.Н. Тимашева, Н.Н. Полянского, М.П. Чубинского, в работах И.Я. Фойницкого и других виднейших ученых конца XIX – начала XX в.

Известные исторические события февраля и октября 1917 г. в России, отменившие прежнее законодательство, потребовали создания и развития нового права, основанного на совершенно иной идеологии. В этот период для советской доктрины уголовного права, решительно отвергавшей представление о наказании как о возмездии и рассматривавшей преступника как продукт социальной среды, теория «опасного состояния личности» пришла как нельзя кстати. В результате в первом совет-

ском Уголовном кодексе 1922 г., определившем своей задачей правовую защиту государства трудящихся от преступлений и от общественно опасных элементов, которую осуществляют путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания или других мер социальной защиты (ст. 5), опасность лица «обнаруживается совершением действий, вредных для общества, или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку» (ст. 7) [16].

Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в редакции 1924 г., отказавшиеся от термина «наказание» и заменившие его понятием «мера социальной защиты», различают три вида мер: 1) меры судебно-исправительного характера; 2) меры медицинского характера; 3) меры медико-педагогического характера. Таким образом, по обычной терминологии уголовного права наказанием в собственном смысле слова являлись лишь меры судебно-исправительного характера [6, с. 320–321]. По словам советского юриста А. Эстрина, в этом отказе выражается разрыв советского уголовного права со старыми, проникнутыми фетишизмом уголовно-правовыми построениями и с содержащимися в них критериями применения уголовной репрессии [26, с. 83].

В УК РСФСР 1926 г. законодатель, проводя разграничение между наказанием, именуя его мерой судебно-исправительного характера, и иными мерами социальной защиты медицинского либо медико-педагогического характера, в качестве основания их применения также указывает не только совершение преступления (общественно опасного деяния), но и опасность лица по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности (ст. 7) [19]. В соответствии с Основами уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г. УК РСФСР 1960 г. отказался от понятия «меры социальной защиты».

Теория «опасного состояния личности» подвергалась критике в доктрине отечественного уголовного права. Рамками настоящей статьи не предусмотрено даже краткое дублирование дискуссии, возникшей на страницах научных изданий по поводу данного вопроса, поэтому ограничимся мнением о реакционном смысле идеи «опасного состояния», заключающемся в том, что «при классовом устройстве государства... «социально опасным» будет

признаваться и тот, кто представляется в действительности опасным лишь для определенного класса» [3, с. 457]. В то же время вряд ли стоит отрицать, что из теории «опасного состояния личности» выросли, например, такие известные доктрине и закону институты, как рецидив преступлений, судимость, принудительные меры медицинского характера и воспитательного воздействия.

За последние годы в отечественной литературе значительно возрос интерес ученых к теории «опасного состояния». Этот интерес, разумеется, не случаен, поскольку государство с тысячелетней историей, выстоявшее в тяжелейших испытаниях, ныне не справляется с ростом преступности, в самых изощренных формах расцветшей на останках сельского хозяйства и промышленности, на фоне деградации науки и образования, обскурантизма. Вот почему С.Ф. Милюков и Д.А. Корецкий, выступая за развитие внесудебных репрессий на законной основе, небезосновательно полагают, что работники правоохранительных органов, применяя репрессивные меры на законных основаниях, наказывают, в том числе и смертной казнью, преступников в рамках необходимой обороны [9, с. 112–114]. Эта идея нашла своих сторонников и последователей [24, с. 96]. В затронутой теме представляет интерес то, что в Туркмении нулевая преступность, и это

связывается с тем, что в свое время все «воры в законе» были расстреляны [1].

Еще С.В. Познышев убедительно доказал влияние алкоголизма на рост преступности [19]. В духе социологических воззрений на закате XX столетия в СССР функционировали лечебно-трудовые профилактории, созданные для принудительного лечения и трудового перевоспитания хронических алкоголиков и лиц, страдающих наркоманией. В 1993 г. они были ликвидированы. В «сухом остатке» функция по принудительному лечению хронических алкоголиков и наркоманов от государства перешла к различным общественным организациям типа организации «Город без наркотиков» в Свердловской области, в которых избавление от наркозависимости осуществляется в достаточно уродливой форме. В свете сказанного не видим ничего плохого в возвращении государством этой меры административно-медицинского характера, приспособленной к современным требованиям.

Несомненно, что любые предложения, направленные на изменение уголовно-правовых норм, а тем более основных правовых институтов действующего законодательства, должны пройти проверку временем и практикой, прежде чем они будут признаны своевременными и целесообразными, но в нашем случае как бы с этим не опоздать.

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аргументы и факты. – 2011. – 26 окт. – 1 нояб.
2. Ашаффенбург Г. Преступление и борьба с ним. Уголовная психология для врачей, юристов и социологов: (к вопросу о реформе уголовного законодательства) : пер. с нем. / Г. Ашаффенбург ; под ред. и с предисл. Я.Л. Сакера. – Одесса, 1906.
3. Гернет М.Н. Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества / М.Н. Гернет. – М., 1914.
4. Герцензон А.А. История советского уголовного права / А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов и др. ; под науч. ред. А.А. Герцензона. – М., 1945.
5. Жижиленко А.А. К вопросу о мерах социальной защиты в отношении опасных преступников / А.А. Жижиленко // Журнал уголовного права и процесса, издаваемый при Русской Группе Международного Союза Криминалистов. – СПб., 1912. – № 3.
6. Жижиленко А.А. Меры социальной защиты в отношении опасных преступников : докл., представл. 8-му съезду Рус. Группы Междунар. Союза Криминалистов / А.А. Жижиленко. – СПб., 1911.
7. Жижиленко А.А. Наказание. Его понятие и отличие от других правоохранительных средств / А.А. Жижиленко. – Пг., 1914.
8. Киселев А.Д. Психологическое основание уголовной ответственности / А.Д. Киселев. – Харьков, 1903.
9. Корецкий Д.А. Внесудебная репрессия как законный способ борьбы с преступностью / Д.А. Корецкий, С.Ф. Милюков // Уголовное право. – 2004. – № 1.
10. Лист Ф. фон. Наказание и его цели : пер. с нем. / Ф. фон Лист. – СПб., 1895.
11. Люблинский П.И. О действии наказания / П.И. Люблинский // Новые идеи в правоведении / под ред. Л.И. Петражицкого. – Сб. 1 : Цели наказания / сост. П.И. Люблинским. – СПб., 1914.
12. Люблинский П.И. Парижское совещание центрального бюро союза криминалистов / П.И. Люблинский // Журнал уголовного права и процесса, издаваемый при Русской Группе Международного Союза Криминалистов. – СПб., 1912. – № 3.
13. Набоков В.Д. К вопросу об «опасном состоянии» / В.Д. Набоков // Журнал уголовного права и процесса, издаваемый при Русской Группе Международного Союза Криминалистов. – СПб., 1912. – № 3.

14. Набоков В.Д. Об «опасном состоянии» преступника как критерии мер социальной защиты / В.Д. Набоков. – СПб., 1910.
15. Немировский Э.Я. Меры социальной защиты и наказание в связи с сущностью вины / Э.Я. Немировский // Журнал Министерства Юстиции. – 1916. – Февр.
16. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
17. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») [Электронный ресурс] : постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
18. Ордынский С.П. К методологии опасного состояния преступника / С.П. Ордынский // Журнал уголовного права и процесса, издаваемый при Русской Группе Международного Союза Криминалистов. – СПб., 1912. – № 3.
19. Познышев С.В. Алкоголизм как фактор преступности с диаграммами в тексте / С.В. Познышев. – М., 1915.
20. Принс А. Защита общества и преобразование уголовного права / А. Принс ; пер. с фр. Е. Маркеловой ; под ред. и с предисл. Г.С. Фельдштейна. – М., 1911.
21. Принс А. Новые доктрины уголовного права : лекция 21 дек. 1895 г. в Обществе молодых защитников в Брюсселе : пер. с фр. / А. Принс. – СПб., 1897.
22. Решетников Ф.М. Уголовное право буржуазных стран / Ф.М. Решетников. – Вып. 2 : «Классическая» школа и антрополого-социологическое направление. – М., 1966.
23. Станкевич В.Б. Борьба с опасным состоянием как основная задача нового уголовного права / В.Б. Станкевич // Новые идеи в правоведении / под ред. Л.И. Петражицкого. – Сб. 1 : Цели наказания / сост. П.И. Люблинским. – СПб., 1914.
24. Старков О.В. Криминопенология / О.В. Старков. – М., 2004.
25. Трайнин А.Н. Спор классической и социологической школ о целях наказания / А.Н. Трайнин // Новые идеи в правоведении / под ред. Л.И. Петражицкого. – Сб. 1 : Цели наказания / сост. П.И. Люблинским. – СПб., 1914.
26. Эстрин А. К вопросу о причинах построения системы уголовной репрессии в пролетарском государстве / А. Эстрин // Революция права. – 1927. – № 1.

REFERENCES

1. Argumenty i fakty [Arguments and facts], no. 43 (1616), 26 Oct. – 1 Nov. 2011.
2. Ashaffenburg G. Crime and its counteraction. Criminal psychology for doctors, jurists and sociologists (to the criminal legislation reform). Translation from German and foreword by Ja.L. Saker. [Ashaffenburg G. Prestuplenie i bor'ba s nim. Ugolovnaja psihologija dlja vrachej, juristov i sociologov (k voprosu o reforme ugolovnogo zakonodatel'stva) / per. s nem. pod red. i s predisl. Ja.L. Sakera]. Odessa, 1906.
3. Gernet M.N. Crime and its counteraction in terms of society evolution. [Gernet M.N. Prestuplenie i bor'ba s nim v svjazi s jevoljuciej obshhestva]. Moscow, 1914.
4. Russian criminal law history. Authors: A.A. Gercenzon, Sh.S. Gringauz, N.D. Durmanov, M.M. Isaev, B.S. Utevsij. Scientific edition by A.A. Gercenzon. [Istorija sovetskogo ugolovnogo prava. Avtorskij kollektiv: A.A. Gercenzon, Sh.S. Gringauz, N.D. Durmanov, M.M. Isaev, B.S. Utevsij; nauch. red. A.A. Gercenzon]. Moscow, 1945.
5. Zhizhilenko A.A. Revisiting social protection measures related to dangerous offenders. [Zhizhilenko A.A. K voprosu o merah social'noj zashhity v otnoshenii opasnyh prestupnikov]. *Zhurnal ugolovnogo prava i processa, izdavaemyj pri Russkoj Gruppy Mezhdunarodnogo Sojuza Kriminalistov – Criminal law and process Journal publ. by Russian group of International Criminalists Society*, Saint-Petersburg, 1912, no. 3.
6. Zhizhilenko A.A. Social protection measures related to dangerous offenders. Report for the VIII Congress of the Russian group of International Criminalists Society [Zhizhilenko A.A. Mery social'noj zashhity v otnoshenii opasnyh prestupnikov. Doklad, predstavlenyj VIII svezdu Russkoj Gruppy Mezhdunarodnogo Sojuza Kriminalistov]. Saint-Petersburg, 1911.
7. Zhizhilenko A.A. Punishment. Its definition and difference from other law-enforcement measures. [Zhizhilenko A.A. Nakazanie. Ego ponjatie i otlichie ot drugih pravoohranitel'nyh sredstv]. Petrograd, 1914.
8. Kiselev A.D. Psychological basis of criminal responsibility. [Kiselev A.D. Psihologicheskoe osnovanie ugolovnoj otvetstvennosti]. Kharkiv, 1903.
9. Koreckij D.A., Miljukov S.F. Out-of-court repression as a legal way of crime counteraction. [Koreckij D.A., Miljukov S.F. Vnesudebnaja repressija kak zakonnyj sposob bor'by s prestupnost'ju]. *Ugolovnoe pravo – Criminal law*, 2004, no. 1.
10. List F. fon. Punishment and its purposes. Translated from German. [List F. fon. Nakazanie i ego celi : per. s nem.]. Saint-Petersburg, 1895.
11. Ljublinskij P.I. On punishment action. New ideas in legal science. Periodical publication edited by L.I. Petrazhickij. 1st issue. Purposes of punishment (by prof. P.I. Ljublinskij). [Ljublinskij P.I. O dejstvii nakazanija // Novye idei v pravovedenii. Periodicheskoe izdanie, vyhodjashhee pod redakciej L.I. Petrazhickogo. Sbornik pervyj. Celi nakazanija (sostavljen professorom P.I. Ljublinskim)]. Saint-Petersburg, 1914.
12. Ljublinskij P.I. Criminalists Society Central Bureau Paris congress. [Ljublinskij P.I. Parizhskoe soveshhanie central'nogo bjuro sojuza kriminalistov]. *Zhurnal ugolovnogo prava i processa, izdavaemyj pri Russkoj Gruppy Mezhdunarodnogo Sojuza Kriminalistov – Criminal law and process Journal publ. by Russian group of International Criminalists Society*, Saint-Petersburg, 1912, no. 3.

13. Nabokov V.D. Revisiting «dangerous condition». [Nabokov V.D. K voprosu ob «opasnom sostojanii»]. *Zhurnal ugovnogo prava i processa, izdavaemyj pri Russkoj Grappe Mezhdunarodnogo Sojuza Kriminalistov – Criminal law and process Journal publ. by Russian group of International Criminalists Society*, Saint-Petersburg, 1912, no. 3.
14. Nabokov V.D. On offender's «dangerous condition» as social protection measures' criteria. [Nabokov V.D. Ob «opasnom sostojanii» prestupnika kak kriterii mer social'noj zashhity]. Saint-Petersburg, 1910.
15. Nemirovskij Je.Ja. Social protection measures and punishment according to guilt matter. [Nemirovskij Je.Ja. Mery social'noj zashhity i nakazanie v svjazi s sushhnost'ju viny. Iz «Zhurnala Ministerstva Justicii» (Fevral' 1916 g.)]. Petrograd, 1916.
16. Ordynskij S.P. On methodology related to offender's «dangerous condition». [Ordynskij S.P. K metodologii opasnogo sostojanija prestupnika]. *Zhurnal ugovnogo prava i processa, izdavaemyj pri Russkoj Grappe Mezhdunarodnogo Sojuza Kriminalistov – Criminal law and process Journal publ. by Russian group of International Criminalists Society*, Saint-Petersburg, 1912, no. 3.
17. Poznyshev S.V. Alcoholism as crime factor (provided with diagrams within text). [Poznyshev S.V. Alkogolizm kak faktor prestupnosti s diagrammami v tekste]. Moscow, 1915.
18. Decision of All-Russian Central Executive Committee on the Criminal Code of RSFSR introduction into effect (along with the Criminal Code of RSFSR) dated 1 June 1922. [Postanovlenie VCIK ot 01.06.1922 g. «O vvedenii v dejstvie Ugolovnogo Kodeksa R.S.F.S.R.» (vmeste s «Ugolovnym Kodeksom R.S.F.S.R.»)]. Available at: SPS «Konsul'tantPljus».
19. Decision of All-Russian Central Executive Committee on the 1926 Criminal Code of RSFSR introduction into effect (along with the 1926 Criminal Code of RSFSR) dated 22 Nov 1926. [Postanovlenie VCIK ot 22.11.1926 «O vvedenii v dejstvie Ugolovnogo Kodeksa R.S.F.S.R. redakcii 1926 goda» (vmeste s «Ugolovnym Kodeksom R.S.F.S.R.»)]. Available at: SPS «Konsul'tantPljus».
20. Prins A. Protection of society and Criminal law reforming. Translated from French by E. Markelova. Edited and foreword by prof. G.S. Fel'dshtejn. [Prins A. Zashhita obshhestva i preobrazovanie Ugolovnogo prava / per. s fr. E. Markelovoj ; pod red. i s predisl. G.S. Fel'dshtejna]. Moscow, 1911.
21. Prins A. New theories in criminal law. 1895 Dec., 21 Lecture in Young Defenders society, Brussels. [Prins A. Novye doktriny ugovnogo prava : lekcija 21 dek. 1895 g. v Obshhestve molodyh zashhitnikov v Brjussele]. Saint-Petersburg, 1897.
22. Reshetnikov F.M. Bourgeois countries criminal law. 2nd issue. «Classical» school and anthropological and sociological approach. [Reshetnikov F.M. Ugolovnoe pravo burzhuznyh stran. Vyp. 2 : «Klassicheskaja» shkola i antropologo-sociologicheskoe napravlenie]. Moscow, 1966.
23. Stankevich V.B. Dangerous condition fight as main objective of the new criminal law. New ideas in legal science. Periodical publication edited by L.I. Petrazhickij. 1st issue. Purposes of punishment (by prof. P.I. Ljublinskij). [Stankevich V.B. Bor'by s opasnym sostojaniem kak osnovnaja zadacha novogo ugovnogo prava. Novye idei v pravovedenii. Periodicheskoe izdanie, vyhodjashhee pod redakciej L.I. Petrazhickogo. Sbornik pervyj. Celi nakazanija (Sostavljen professorom P.I. Ljublinskim)]. Saint-Petersburg, 1914.
24. Starkov O.V. Criminopenology. [Starkov O.V. Kriminopenologija]. Moscow, 2004.
25. Trajnin A.N. Argue between classical and sociological schools on punishment purposes. New ideas in legal science. Periodical publication edited by L.I. Petrazhickij. 1st issue. Purposes of punishment (by prof. P.I. Ljublinskij). [Trajnin A.N. Spor klassicheskoi i sociologicheskoi shkol o celjah nakazanija. Novye idei v pravovedenii. Periodicheskoe izdanie, vyhodjashhee pod redakciej L.I. Petrazhickogo. Sbornik pervyj. Celi nakazanija (sostavljen professorom P.I. Ljublinskim)]. Saint-Petersburg, 1914.
26. Jestrin A. Revisiting in reasons for criminal repression development in proletarian country. [Jestrin A. K voprosu o prichinah postroenija sistemy ugovnoj repressii v proletarskom gosudarstve]. *Revoljucija prava – Revolution of law*, 1927, no. 1.

Сведения об авторах

Сафронова Елена Викторовна – профессор кафедры международного права и государственного управления Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, профессор, г. Белгород, Российская Федерация; e-mail: elena_safronova_2010@mail.ru.

Лоба Всеволод Евгеньевич – начальник управления научно-исследовательской деятельностью Армавирской государственной педагогической академии, кандидат юридических наук, г. Армавир, Российская Федерация; e-mail: vsevolodka@inbox.ru.

Information about authors

Safronova Elena Viktorovna – Chair of international law and political science, National Research University Belgorod State University Doctor of Law, Professor, Belgorod, Russian Federation; e-mail: elena_safronova_2010@mail.ru.

Loba Vsevolod Evgen'evich – scientific research department director, Armavir State Pedagogical Academy, Candidate of Legal Sciences, Armavir, Russian Federation; e-mail: vsevolodka@inbox.ru.